

— А?

У Синь ошарашенно поднял голову и посмотрел на Лян Е.

Лян Е понял, что сболтнул лишнее, и, опустив взгляд, сосредоточился на том, чтобы обтереть его тело: — Прости, это я сказал не подумав. У А Ци нет недостатка в слугах, разумеется, моё внимание ему ни к чему...

— Что за чепуху ты несёшь?

У Синь внезапно повысил голос. От волнения он даже слегка дрожал: — Мне нужно! Мне это очень нужно!

Сказав это, он свободной рукой ухватился за ладонь Лян Е: — Пока брат Чэньгэ не сторонится меня, мне плевать, если от меня отвернутся все остальные под небесами.

Лян Е замер и машинально попытался высвободить запястье: — Ван, к чему такие странные слова? Какие у нас отношения? Как я могу ставить себя в положение, когда мне плевать на весь мир?

Он уже много лет отвык от близости с людьми. Когда У Синь дурачился и вёл себя несерьёзно, он мог поддержать эту игру. Но стоило ему увидеть в глазах У Синя серьёзность, как он тут же отступил, даже обращение изменив на более официальное.

К тому же, в глубине сердца У Синь хранил образ возлюбленного. Кроме юного императора, лишь этот человек был достоин того, чтобы ради него отринуть весь мир. А сам он кто такой?

Увидев, что лицо Лян Е помрачнело, У Синь понял, что зашёл слишком далеко, и почувствовал досаду: — Прости, я...

— К чему вану извиняться? — тон Лян Е стал ещё более холодным и отстранённым. — Вы же не сделали ничего дурного.

Сердце У Синя пронзило острой болью, словно его укололи иглой: — Я разозлил тебя, — тихо проговорил он.

— Вовсе нет.

Лян Е опустил голову и принялся полоскать полотенце, даже не глядя на него: — Я не злюсь. Я просто считаю, что не достоин.

— Как ты можешь такое говорить, ты...

— Ван может не пытаться меня утешить.

Лян Е бросил полотенце в воду и поднял на него ледяной взгляд. Но, заметив блеск слёз в глазах У Синя, он снова смягчился: — Я рад, что ван называет меня братом, чтобы поднять мне настроение. Но не стоит притворяться настолько правдоподобно. Я дал слово вану и обязательно его сдержу. Что бы ни случилось в будущем, я буду предан вам и Его Величеству.

Он произнёс это тихо, проглатывая то, что осталось невысказанным. Ему казалось, что это уже предел его уступок.

Однако У Синя его слова заставили дрожать от гнева: — Как я притворяюсь? Что я делаю напоказ?!

Молодой регент вдруг понял, что не знает, что ответить. Между ними повисло молчание.

Спустя мгновение Лян Е выудил полотенце из воды, не обращая внимания на намокшие рукава, отжал его и продолжил отирать У Синя: — Забудь. Считаю, что я ничего не говорил.

— Сказанное слово — как выплеснутая вода! — У Синь закусил губу. В нём кипела обида, но он тут же подумал, что злиться не стоило: — В конце концов, мы часто виделись в детстве. Даже если вспомнить о старой дружбе, разве я не могу называть тебя братом? Почему ты решил, что я притворяюсь?

— Не часто. Я был занят учёбой. Матушка посещала дворец десять раз, а я не бывал там и единожды. Мы виделись в детстве от силы три-пять раз.

Лян Е не стал ему поддакивать: — К тому же, ты младше меня на два года. В детстве два года — это большая разница. В моих глазах ты тогда ничем не отличался от бесшёрстной обезьянки.

У Синь: — ?

Молодой и статный регент тут же взорвался: — Что ты сказал? Лян Чэньгэ, ты можешь называть меня маленьким или слабым, но как ты можешь... Неужели я был настолько уродливым?!

Лян Е: — ...

Сказал лишнее. Потянул обезьянку за хвост.

Глядя на разъярённого У Синя, у которого на щеках даже проступил румянец, он не удержался и рассмеялся: — Ну вот, теперь у тебя куда больше духа, чем минуту назад.

— Не смей называть меня уродливым! — продолжал возмущаться У Синь. — С чего бы мне быть уродливым? Моя матушка и тётушка Ваньцзюнь были известны как две красавицы, я...

— Хорошо, хорошо, не уродливый. Ты очень хорош собой.

Лян Е поднял руку и взъерошил его волосы, ласково успокаивая: — Я был неправ, не сердись, ладно?

— Волосы... намочил, — У Синь недовольно схватил его за руку. — Хватит гладить, будто собачью голову.

— Хм? — Лян Е прыснул со смеху. — Кто же так о себе говорит? — проговорил он и снова провёл рукой по его голове, усмехнувшись: — Но на ощупь собачья голова оказалась приятной.

— Лян... — У Синь хотел было рявкнуть на него, но, увидев мягкий взгляд Лян Е, гнев мгновенно улетучился. Он хмыкнул и просто прижался к нему, вытирая мокрое тело об его одежду: — Брат, ты такой... бессердечный! Сказал такие обидные слова, и даже не попытаешься меня утешить?

— Пытаюсь ведь, — Лян Е понял, что тот начал капризничать, а вода стала остывать, и внезапно подхватил его на руки, вынимая из лохани.

У Синь испуганно вскрикнул и обвил руками его шею: — Брат, ты что делаешь?!

— Хватит мыться, вода остыла.

Лян Е одной рукой придерживал его, а другой снял с вешалки полотенце, закутал его и понёс к кровати.

Когда они только начали купаться, из-за того, что разговор не клеился, У Синь не придавал значения мелочам. Но теперь, когда Лян Е нёс его, укутав в ткань, он вдруг запаниковал. Вспомнив, как тот тщательно обтирал его, не пропуская ни сантиметра кожи, он внезапно вспыхнул и почувствовал неловкую реакцию тела.

У Синь неловко сжал ноги под полотенцем, боясь, что это заметят — тогда он вовек не отмоется от позора. К счастью, Лян Е, будучи благородным мужем, не смотрел туда, где могло возникнуть неловкое положение.

Донеся У Синя до спальни, он отвернулся, позволяя ему обтереться самому.

У Синь выдохнул с облегчением, быстро вытерся и, преодолевая ломоту в теле, юркнул под одеяло. Из-под него торчала только взъерошенная макушка. Он тихо позвал: — Добрый брат, подай мне одежду.

— Опять мою наденешь? — Лян Е бросил взгляд за ширму: там не было одежды У Синя, только его собственные вещи.

У Синь: — ...

Точно. Он забыл велеть У Цзю принести ему одежду.

Его лицо вспыхнуло ещё сильнее: — Одолжи мне, пожалуйста, а позже я верну.

— Ха, это всего лишь одежда, не деньги. Ты думаешь, если ты её наденешь, я потом не смогу носить? — Лян Е рассмеялся. — Разве можно сказать, что одежды нет? Мы с тобой носим одни и те же одежды. Для нас, военных, это пустяки. Ван, А Ци, не стоит так переживать.

Хоть они только что и повздорили, видя, как У Синь послушно и мило прячется под одеялом, он перестал сердиться и решил потакать ему: — Жди, сейчас велю кому-нибудь принести.

— Подойдёт та, что ты носил в детстве, — жалобно произнёс У Синь. — Ты слишком высокий.

— Ха-ха-ха-ха! — Лян Е не удержался и расхохотался, глядя на него. — Это невозможно. Я не был в столице лет шесть-семь, у меня осталась лишь одежда, которую я носил до четырнадцати лет, как она тебе подойдёт?

— В любом случае, ты с кровати не встаёшь и на улицу не выходишь. Надень пока мою, а я велю У Цзю сходить за твоей.

У Синь немного подумал и решил, что это разумно. Хоть он был худощав, ростом для обычного человека он не вышел коротким. Одежда на четырнадцатилетнего подростка ему точно не налезет.

У Синь вздохнул и поник: — Хорошо, тогда... попроси брата, чтобы он велел У Цзю войти.

<http://bllate.org/book/24139/2785721>